

В. Е. Быкасов
ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

Автор, анализируя многие документы землепроходцев, статьи историков уточняет расположения анадырского острога, «моржовой» корги, на которых побывал С. Дежнев, Ушковского урочища, и места, где построен бот «Св. Гавриил», вносит коррективы в перечисление ученых, получивших звания академиков Российской академии наук в результате работы на территории Камчатки.

Ключевые слова: зимовье, острог, казаки, историки, краеведы, Анадырь, Ушки, река Камчатка, академики, картографы.

V. E. Bykasov
NOTES IN THE MARGIN

Analyzing many documents of explorers and articles of historians the author clarifies the locations of the Anadyr ostrog, the "walrus" corgi visited by S. Dezhnev, the Ushkovsky tract and the places where the bot "St. Gavriil" was built. He also makes adjustments to the list of the scientists who received the title of the academician of the Russian Academy of Sciences as a result of their work on the territory of Kamchatka.

Keywords: wintering, ostrog, the Cossack, historians, local historians, Anadyr, Ushki, the Kamchatka River, academicians, cartographers.

Вчитываясь в ту или книгу или статью, относящуюся к истории открытия Камчатки, мне иногда доводилось обнаруживать в них разного рода ошибки и опечатки. Вроде, например, даты выхода отряда М. Стадухина в низовье реки Пенжины, которая в книге Б. П. Полевого «Новое об открытии Камчатки», оказалась привязанной не к 1651, а к 1652 г. [1, с. 84]. Приходилось мне сталкиваться и с расхождением суждений некоторых авторов с твёрдо установленными историческими данными и представлениями; или, наоборот, с излишне послушным следованием неверным мнениям. А также отмечалось недостаточное внимание исследователей к ландшафтной составляющей описываемых ими ситуаций, что не позволяло им верно оценить некоторые детали исторических событий. Отчего я и оставлял на полях краткие пометки – с тем, чтобы при случае вникнуть в суть дела. И, надо сказать, кое с чем разобраться уже получилось.

Так, например, мне удалось показать, что предполагаемый Б. П. Полевым более чем 300-километровый поход отряда М. Стадухина от устья реки Пенжины на Камчатский полуостров за лесом для постройки двух морских кочей и возвращение оттуда с заготовленным лесом обратно к устью Пенжины, физически был просто невозможен [2].

Тем не менее, некоторые из спорных суждений и представлений о предыстории и истории открытия и освоения Камчатки по-прежнему нуждаются в уточнении и объяснении. Чем и вызвано появление данных заметок.

Начну же я этот обзор с анализа трактовок некоторых событий, связанных с появлением отряда С. Дежнёва на реке Анадырь: с постройкой на ней зимовья и острога, а также с открытием знаменитой «дежнёвской» моржовой корги. Поскольку именно они послужили толчком к последующему продвижению служилых, промышленных и гулящих людей от Анадыря в сторону Камчатки и к открытию самого полуострова.

Итак, в своё время известный историограф А. С. Сгибнев написал: «В следующем 1649 г. Дежнёв с остальными товарищами пошёл на лодке вверх по Анадырю и вскоре встретился с многочисленным племенем анаулов, которые заплатили ему ясак; но впоследствии за непокорность были совершенно истреблены. Дежнев построил Анадырский острог в 480 верстах от устья, который и был первый острог на камчатской почве, служивший потом оплотом против нападений туземцев» [3, с. 8]. То есть, по его мнению, острог был построен С. Дежнёвым ещё в 1649 г., что явно не соответствует действительности. Как не соответствует реальности и его утверждение о «камчатской почве».

Вызывает сомнение и представление историографа о том, что 12 оставшихся в живых после суровой зимовки на северном берегу Анадырского лимана служилых и промышленных людей, включая С. Дежнёва, вверх по Анадырю отправились в одной лодке. Как потому, что, по мнению других исследователей, вверх по реке дежнёвцы поднимались на судах (лодках?), по-

строенных в устье реки Анадырь, так и потому, что для размещения 12 человек нужны либо две, а то и три достаточно большие лодки, либо струг, либо малый речной коч.

Что же касается возведения Анадырского острога, то известный историк Г. Ф. Миллер, обнаруживший отписки С. Дежнёва, дату постройки острога (острога, подчеркну, а не зимовья) так и не называл [4, с. 259–260]. Отчего и возникли последующие разночтения. Например, Л. С. Берг считал, что летом 1648 г. С. Дежнёв построил в среднем течении Анадыря зимовье, впоследствии ставшее Анадырским острогом [5, 1946]. Тогда как А. В. Ефимов сначала уверял, что Анадырский острог был основан в 1649 г. [6, с. 62]. Затем, и буквально тут же, он вдруг написал, что: «...на Анадыре со времени прибытия Стадухина (весной 1650 г. – В. Б.) имелся уже не один острог, а два – один Дежнёва и Моторы, а другой – Стадухина» [там же, с. 64]. А несколькими строками ниже вновь повторил суждение о зимовье: «Добыв несколько моржовых зубов, Дежнёв возвратился в зимовье» [там же, с. 64].

То есть, как можно видеть, историк не определился ни со статусом поселения казаков и промышленных людей (зимовье или острог), ни с датой его образования. Да к тому же ещё допустил более чем странную ошибку в оценке объёма добычи моржовых клыков. Ибо, например, М. И. Белов считал, что в пуде добытой «рыбьей кости» насчитывалось 8 моржовых клыков, и что в 1652 г., за месяц пребывания на корге, казаки набрали 150 пудов «рыбьей кости» [7, с. 129].

Впрочем, с оценкой добычи клыков ошибся и сам С. Дежнёв. Так как в своей челобитной царю Алексею Ивановичу С. Дежнёв написал, что в качестве десятой царской доли (налога) он отдал «пятнадцать пуд тридцать шесть фунт кости рыбы моржевого зубу» [8, с. 51]. Из чего следует, что казаки С. Дежнёва 150 с лишним пудов «рыбьей кости» собрали не за один месяц, а за период с 1652 по 1659 г. включительно.

Но вернусь к ситуации с постройкой Анадырского острога. К примеру, Б. П. Полевой в изданной в 1985 г. статье «В защиту Семёна Дежнёва (о статьях Н. В. Ломановича)» написал: «Семён Дежнёв благодаря своей энергии и опыту вывел свой отряд на Анадырь и основал там зимовье, позже превращённое в острожек» [9, с. 139]. Спустя три года в газетной заметке под названием «В плену вымыслов: по поводу происхождения названия Камчатка» он ещё раз повторил: «Замечу здесь, что в 1650 г. ещё

не было Анадырского острога – там лишь было зимовье, поставленное Семёном Дежнёвым в 1649 г.» (Камч. правда. 1988. 15 июля).

Однако спустя 9 лет в своей книге «Новое об открытии Камчатки» Б. П. Полевой трижды подряд упомянул о том, что в конце апреля 1650 г. отряды Семёна Моторы и Михаила Стадухина подошли к Анадырскому острожку С. Дежнёва [1, с. 79–80]. Хотя он сам упрекал некоторых исследователей (Н. В. Ломановича и Н. А. Бондареву, например) за то, что они Анадырское зимовье именовали острожком.

Чем объясняется этот промах историка, я судить не берусь. Но всё же отмечу, что оставшиеся в живых после крайне трудной зимовки на северном берегу Анадырского лимана 12 из 24 казаков и промышленных людей, за короткие в тех местах весну и лето построили лодки (струг, коч?), уплыли на них за 480 вёрст вверх по реке, наловили там на зиму подошедшего на нерест лосося и поставили зимовье. А заодно произвели разведку окрестностей на предмет обнаружения и обложения ясаком местных жителей [10, с. 74], который они и собирали всю зиму 1649–1650 гг., ибо это было их главной задачей и обязанностью, за невыполнение которых им пришлось бы отвечать по всей строгости. Так что времени и возможности для возведения острога ни летом-осенью 1649 г., ни зимой 1649–1650-го у дежнёвцев действительно не было.

Впрочем, времени (и возможности) у них не было и после. Ибо, как сказал в 1654 г. служивый человек Юрий Селиверстов в своей «Отписке» якутскому воеводе Ивану Акинфому: «И пришёл яз, Юшко, с охочими людьми к русским людям в зимовьях и в зимовьях живут служилые и промышленные люди, у них выбраны два приказных – Семён Дежнёв да Микита Семёнов» [11, с. 38]. То есть, даже в 1654 г. острога как такового ещё не было.

И в самом деле, М. И. Белов, например, утверждал, что в 1649 г. С. Дежнев в верхнем течении (на самом деле – в среднем. – В. Б.) построил зимовье, тогда как собственно острожек был поставлен в 1659 г. [7, с. 124]. Однако затем он сказал, что: «В 1660 г. острог был готов» [там же, с. 137]. И в доказательство привёл высказывание первого официального приказчика на реке Анадырь Курбата Иванова: «В прошлом 168 году (1660. – В. Б.) поставил я, Курбатко, острог и в остроге аманатскую избу и с нагороднею, и со всякими крепостями, и зимовье построил, и в остроге государев амбар с служилыми и охочими промышленными людьми» [там же, с. 137]. То

есть получается, что острог был построен людьми С. Дежнёва в 1659 г.?

Однако сам С. Дежнёв в своей челобитной царю Алексею Михайловичу от 23 сентября 1664 г. писал: «...и приискал вновь, сверх тех прежних рек, новую реку Анандырь, (и) будучи на твоей великого государя, службе, зимовье и острог поставил...» [8, с. 54]. Из чего следует, что С. Дежнёв в 1659 г. начал строительство острога, а в 1660 г. Курбат Иванов завершил его.

Таковы основные ошибки в хронологии образования Анадырского острога. К ним остаётся добавить суждение камчатского краеведа А. П. Пирагиса. Ибо он, проявив завидную догадку при описании истории Петропавловска-Камчатского, по поводу событий, связанных с появлением С. Дежнёва на реке Анадырь, неожиданно написал: «1 октября коч С. И. Дежнёва и кочи его товарищей выбросило на берег реки, которую они искали. В 1649 году на 500 км выше по реке Анадырь С. И. Дежнёв заложил Анадырский острог» [12, с. 80–81]. Неожиданно в том смысле, что казаки отряда С. Дежнёва от места крушения своего коча к реке Анадырь (к северному берегу Анадырского лимана) на лыжах и с санями шли 10 недель, 5 остальных кочей его отряда унесло к югу от берегов Анадырского лимана, а Анадырский острог был окончательно построен в 1660 г.

Столь же противоречивая картина прослеживается с определением времени обнаружения и с установлением места расположения знаменитой дежнёвской моржовой корги. А. С. Сгибнев, например, уверял, что: «После того (после ухода М. Стадухина с Анадыря. – В. Б.) Дежнев и Мотора построили суда на р. Анадырь, чтобы идти по морю для отыскания новых рек; но намерение их не осуществилось за смертью Моторы, который был убит в 1651 году... В том же году (а не 1652 г., как говорит Миллер, ибо в подлинных документах Дежнева сказано: “а на коргу мы пришли 159 года”, т. е. 7159 г. от сот. мира, канун Петрова дня и Павлова, верховных апостолов. – В. Б.) Дежнев доходил на лодках до устья реки Анадыря...» [3, с. 8]. По его мнению, открытие корги произошло якобы в 1651 г., ибо М. Стадухин с Анадыря ушёл в феврале 1651 г.

На самом же деле в 1651 г. С. Дежнёв и С. Мотора ещё только готовились к плаванию к морю. О чём А. В. Ефимов написал так: «Спасский сообщает, что в 1651 г. казаки Семён Дежнёв и Семён Мотора построили на реке Анадыре суда и решили отправиться на них в море для новых открытий. Однако смерть Моторы,

убитого в бою с анаулами, заставила Дежнёва отложить свои намерения. В следующем 1652 г. Дежнёв плывал один на построенных судах вниз по Анадырю до устья реки, где открыл знаменитую коргу или мель, далеко простирающуюся в море на север» [6, с. 64].

То есть А. В. Ефимов также считал, что С. Мотора был убит ещё в 1651. Тем не менее, в противовес А. С. Сгибневу он утверждал, что анадырская моржовая корга была открыта в 1652 г., что полностью соответствует реальности.

Действительно, в «Челобитной служивых и промышленных людей Фёдора Емельянова Ветошки с товарищами о назначении им денежных и хлебных окладов за службу на реке Анадырь» сказано: «Да в прошлом, государь, во 160 году... нашли мы усть той Анадыри реки за губою коргу, вышла в море далеко, а на ту коргу вылегает много морской зверь морж, и есть на той корге заморный зуб зверя того, и мы того зверя промышляли...» [13, с. 14]. Но коль скоро корга была открыта летом 160 г. по старинному русскому календарю, то по нашему времени это произошло в 1652 г.

Практически то же самое говорится и в «Отписке Якутскому воеводе Ивану Акинфому служивых людей Семёна Дежнёва и Никиты Семёнова о походе на реку Анадырь, о военных действиях против инородцев и проч.»: «И того ж 160 году пошли мы в судах на море, чтоб где государю учинить прибыль большая, и нашли усть той Анандыру реки корга, за губою вышла в море, а на той корге много вылегает морской зверь морж, и на той же корге заморной зуб зверя того. И мы, служилые и промышленные люди, того зверя промышляли и заморной зуб брали. А зверя на коргу вылегает добру много, на самом мысу вокруг с морскую сторону на полверсты и больше места, а в гору сажень на тридцать и на сорок. А весь зверь с воды с моря на землю не вылегал, в море зверя добре много у берегу...» [14, с. 19]. Так что А. С. Сгибнев явно поспешил обвинить Г. Миллера в ошибке с датой открытия корги.

Столь же неоднозначная ситуация отмечается и с определением местоположения этой моржовой корги. Ибо и до сих пор историки и краеведы спорят о том, на какой из двух морских кошек, отделяющих Анадырский лиман от моря, она располагалась.

Из приведенной выше отписки следует, что искомая корга располагалась за губою.

Тем не менее, многие исследователи (тот же, например, А. С. Сгибнев), заиклившись на

словах – «нашли (в) устье той Анадыри-реки корга», решили, что эта самая моржовая корга отгораживала от моря устье реки Анадырь. А ведь сами землепроходцы уточняли, что «корга за губою вышла в море». То есть, коса с моржовой коргой отделяла от Берингова моря не устье реки Анадыря, а Анадырскую губу (лимана). Что полностью соответствует реальности, ибо река Анадырь впадает в залив Онемен, который довольно протяжённым и широким проливом соединяется с Анадырским лиманом, отделяющимся от Анадырского залива Берингова моря двумя длинными – Большой Русской и Гека – морскими кошками.

Но в таком случае возникает вопрос: а на какой из двух кошек располагалась эта самая моржовая корга?

Например, А. С. Сгибнев по этому поводу сказал: «Дежнев доходил на лодках до устья Анадыря, где нашёл отмель, простирающуюся далеко в море по северную сторону устья» [3, с. 8]. И хотя насчёт расположения корги возле устья реки Анадыря историограф ошибся, всё же это его суждение позволяет привязывать искомую моржовую коргу к нынешней Русской Большой кошке, отходящей от северного берега Анадырского лимана к югу.

Однако Б. П. Полевой по тому же поводу говорил совершенно иное: «...по дошедшей до нас любопытной отписке анадырского приказного Курбата Иванова стало очевидным, что анадырские казаки считали, что “концегубье” Анадыря делилось на два “передних конца”: южный корякский и северный “русский конец”. Под первым подразумевалась **анадырская моржовая корга** (здесь и далее выделено мною. – В. Б.), открытая Дежневым лишь в 1652 г., вблизи места октябрьской катастрофы 1648 г. Именно в этом районе Дежнёв и смог обнаружить якутку – жену Федота Алексеева. И второй, северный, конец (который) Курбатом Ивановым был назван “русским концом”» [1, с. 66–67].

То есть, по его мнению, а также по представлениям некоторых других исследователей (В. Г. Тан-Богораза и И. С. Вдовина, например), «моржовая корга» располагалась на современной косе Гека, отходящей от южного берега Анадырского лимана к северу.

Что же касается «якутской бабы», то Б. П. Полевой, исходя из данного суждения, её обнаружение привязывал к 1652 г. И это не было оговоркой или типографской опечаткой, ибо во второй части книги «Новое об открытии Камчатки» он написал: «Давно уже было известно,

что Федот Алексеев Попов погиб от голода и цинги недалеко от устья реки Анадыря. Об этом подробно рассказывала ещё сама его вдова, возвращённая в 1652 г. из корякского плена на южном берегу Анадырского залива, недалеко от дежнёвской корги (современная Земля Гека)» [15, с. 158].

А ведь ещё А. С. Сгибнев говорил, что обнаружение якутской жены Ф. Попова произошло в 1654 г., когда С. Дежнёв предпринял второе плавание по морю в поисках новой моржовой корги. Этой же даты придерживался и А. В. Ефимов, утверждавший, что в 1954 г. предприимчивый Дежнёв с некоторым числом служилых людей вновь отправился в поход морем, открыв при этом коряк (кереков. – В. Б.) и освободив находящуюся у них в плену «якутскую бабу» [6, с. 64].

Кстати, поскольку коряки (кереки) проживали в острожке Нигрин, расположенном на современной косе Гека, то моржовая корга там располагаться не могла, ибо обитатели этого острога, ещё задолго до прибытия в эти места русских людей, выбили и разогнали всех моржей. Отчего они и плавали на северную (Русскую) кошку, конкурируя при этом, начиная с 1652 г., с русскими промысловиками.

Итак, после открытия в 1652 г. моржовой корги, казаки отряда С. Дежнёва два года добывали там «рыбью кость». И только в 1654 г., после её опустошения, они отправились морем к югу в поисках новой корги, обнаружив при этом у кереков острожка Нигрин «якутскую бабу». Так что моржовая корга действительно располагалась на северной оконечности Анадырской губы (лимана) – на современной Большой Русской кошке [10].

Но продолжу ворошить свои заметки. И с этой целью отмечу, что известный камчатский журналист и краевед В. Мартыненко, описывая путешествие Жана Бартелеми Батиста Лессепса с охотским комендантом Козловым-Угрениным о Нижне-Камчатском остроге, стоявшем в устье реки Радуги в 30 километрах от устья реки Камчатки, сказал так: «Крупнейший в своё время русский форпост, от стен которого отправлялась в неведомый океан первая экспедиция Витуса Беринга...» [16, с. 71].

На самом же деле, во время пребывания участников Первой Камчатской экспедиции на полуострове (1727–1729) этот острог ещё не существовал. Причём В. П. Мартыненко об этом знал, так как в самом начале своей книги он утверждал, что: «Нижнекамчатский острог,

о котором пишет исследователь (С. П. Крашенинников. – В. Б.), возник в 1732–1733 годах...» [там же, с. 11]. И тем не менее ни он сам, ни корректоры с редакторами его книжки на эту нестыковку дат внимания не обратили.

Спустя 4 года в другой своей книге «Камчатский берег» В. П. Мартыненко утверждал, что: «**4 июня** 1728 года команда Беринга заложила у Нижнекамчатска (район города Ключи) бот “Святой архангел Гавриил”. Он был построен из местного лиственничного леса и спущен на воду **10 июля** того же года» [16, с. 73].

Однако на самом деле бот был заложен 4 апреля 1728 г. в урочище Ушки, расположенном в 60 верстах выше Нижне-Камчатска. Что же касается его спуска на воду, то мичман Пётр Чаплин в своём бортовом журнале написал: «**9 июня**. Часу в 4-м пополудни учинили молитву и стали спускать бот на воду. И трудились до 7 часа, не могли его спустить и двои тали изорвали, в 7-м часу с Божиею помощью сошёл на воду благополучно. И после спуска дано всем людям, которые были при спуске, вина 2½ ведра. Часу в 12-м поплыли в острог господин капитан, иеромонах и я. **10 июня**. Пополночи часу в 3-м приплыли на Ключи» [18, с. 88].

Уточню, что всю осень 1727 г. и зиму 1727–1728 гг. команда Ф. Козлова заготавливала лес в урочище Ушки и свозила его к берегу реки. 4 апреля 1728 г. бот был заложен, а вечером **9 июня** бот «Св. Гавриил» был спущен на воду и сплавлен к тогдашнему Нижне-Камчатску, располагавшемуся чуть выше Ключей.

Не обратил внимания В. П. Мартыненко и на другую свою оплошку, когда он говорил о продвижении отряда ученика ботового дела Ф. Козлова по реке Камчатке: «От Верхне-Камчатска поплыли вниз, до Нижне-Камчатска. Питались в пути рыбой. Добравшись до Нижне-Камчатска, неказистого убогого селения в 40 дворов, Козлов распределил своих людей по домам, на хозяйский прокорм.

Сам же отправился с местными жителями **обратно**, выискивать места с добротным лесом и для плотбища. Леса вокруг было много, только “облупистого” и “дуплистого”. Пригодное место нашлось в урочище Ушки, в 30 верстах **ниже** Ключевского селения. Сюда Козлов и доставил своих мастеровых» [19, с. 53]. Однако отправившись на поиски леса обратно (вверх по реке), Козлов никак не мог оказаться в 30 верстах ниже Нижне-Камчатска. Не говоря уже о том, что урочище Ушки располагалось в 60 верстах выше Нижне-Камчатска.

Ну и, наконец, завершу я свои заметки дополнением к статье Г. А. Карпова и М. В. Кузнецовой, в которой говорится об академиках и членах-корреспондентах Академии наук, научная деятельность которых была связана с изучением Камчатки [20]. Поскольку в этой статье были упущены фамилии ещё трёх членов Российской академии – Луи Делиль де ла Кройера, А. Д. Красильникова и К. Т. Хлебникова, работавших на Камчатке.

И в самом деле, в своём предисловии ко второму тому «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинникова академик Г. Миллер написал: «При отправлении в 1733 году по именному Императорскому указу Второй Камчатской экспедиции для учинения разных изобретений по берегам Ледовитаго моря, а паче по Восточному около Камчатки, Америки и Японии океану, восприято было намерение, чтобы всеми мерами стараться о возможном описании Сибири, а особливо Камчатки, по точному их положению, по натуральному земли состоянию и по обитающим на них народам; словом, чтоб собрать известия по всем вышепоказанным нами обстоятельствам к совершенному земли описанию принадлежащим. Для исполнения сего Императорская Академия Наук отправила с морскою экспедициею трёх профессоров, которые порученных им делам разделили между собою таким образом, чтоб одному исправлять астрономические и физические наблюдения; другому чинить то, что принадлежит к натуральной истории; а третьему сочинять историю политическую и описание земли, нравов народных и древностей» [20]. И этими профессорами были Г. Ф. Миллер, Г. И. Гмелин и Луи Делиль де Ла Кройер. А поскольку тогдашние адъютанты по своему статусу приравнивались к нынешним членам-корреспондентам, а профессора – к академикам, то третьим академиком академического отряда Второй Камчатской экспедиции был Луи Делиль де Ла Кройер.

И вот что об его деятельности во время пребывания на полуострове и на борту пакетбота «Св. Павле» говорил Б. П. Полевой: «Оказавшись в новой Гавани святых постол Петра и Павла, Луи Делиль де Ла Кройер первым точно определил широту и долготу. На основании карт, составленных его сводным братом Иосифом Луи, он создал ряд новых, которые были взяты на пакетботы, направленные в 1741 г. в сторону Америки. Сам Луи вошёл в команду пакетбота “Св. Павел”. В течение всего плавания Луи каждаю светлую ночь использовал для точного ме-

стоположения судна, которому и суждено было первым достичь берегов Америки. В пути Луи заболел цингой, но до последнего дня своей жизни продолжал вести астрономические наблюдения, что и позволило пакетботу «Св. Павел» благополучно вернуться в Авачинскую губу» (Камч. правда. 1991. 25 окт.). Так что, добавлю от себя, нам следует отрешиться от предубеждения об якобы отрицательной роли французского члена Императорской Академии наук в работе Второй Камчатской экспедиции.

Кстати, о незаурядности французского астронома свидетельствует и то, что он, как действительный член Академии наук, вполне мог отказаться поехать из Якутска в Охотск, из Охотска на Камчатку и, наконец, от плавания к берегам Америки. Тем не менее, он охотно заменил заболевшего геодезиста А. Д. Красильникова на борту «Св. Павла».

Что же касается карт северной части Тихого океана, предоставленных сводными братьями Делиль де Ла Кройерами в распоряжение Второй Камчатской экспедиции, то, как отметил Б. П. Полевой, обвинения в их адрес были беспочвенными. В том числе и суждение С. Вакселя, написавшего: «Отсюда ясно видно, что упомянутая карта была неверной и лживой... Кровь закипает во мне всякий раз, когда я вспоминаю о бессовестном обмане, в который мы были введены этой неверной картой, в результате чего рисковали жизнью и добрым именем. По вине этой карты почти половина нашей команды погибла напрасной смертью» [21, с. 455]. Именно С. Ваксель сыграл важную, если не ведущую, роль при создании «Итоговой карты походов морских партий Беринга и Чирикова в 1741 г.», на которой был нарисован громадный (разом в 3 больше мифической «Земли Де Гама») полуостров, отходящий от Аляски в сторону Камчатки. И тем самым наглядно показал, что даже самый высокий профессионализм далеко не всегда свидетельствует о широте взглядов при решении проблем, находящихся вне сферы деятельности того или иного узкого специалиста.

Но вернусь к «камчатским» академикам. Дело в том, что в одно время с Луи Делиль де Ла Кройером на Камчатке астрономическими изысканиями занимался прапорщик (затем – поручик) Андрей Дмитриевич Красильников, который вторично (после Луи Делиль де Ла Кройера) произвёл определение географического положения Петропавловской гавани [21, с. 42].

Что же касается его дальнейшей деятельно-

сти, то, как написал Г. Ф. Миллер, А. Д. Красильников: «получил себе честь и похвалу, что был на двух краях Российской империи к востоку и к западу и определил чрез свои наблюдения все её пространство. А именно Петропавловскую гавань на Камчатке усмотрел под $176^{\circ}12,5'$ долготы, а западный мыс острова Даго, Дагерт Орт называемый, – под $39^{\circ}28'16''$ » [там же, с. 53].

Спустя два века Л. С. Берг в своих «Очерках по истории русских географических открытий» о А. Д. Красильникове утверждал, что: «Геодезист А. Д. Красильников, впоследствии адъютант Академии, сделал во время экспедиции несколько точных астрономических определений» [5, с. 324]. То есть, спустя какое-то время после пребывания на Камчатке, бывший военный геодезист стал членом-корреспондентом Российской академии наук в современном толковании этого академического звания.

Ну и, наконец, А. В. Ефимов в книге «Из истории великих русских географических открытий» написал: «Во Второй Сибирско-тихоокеанской экспедиции принимали участие в разное время профессора и студенты Российской Академии наук, так называемая «академическая команда»: Г. Ф. Миллер – историк, И. Г. Гмелин – натуралист, Г. В. Стеллер, И. Э. Фишер и студенты – в дальнейшем академики – А. Д. Красильников, С. П. Крашенинников и др.» [6, с. 235]. Правда, А. В. Ефимов ошибся, назвав А. Д. Красильникова студентом, ибо на самом деле геодезист на Камчатке пребывал в ранге прапорщика (поручика) – то есть был армейским офицером. Но зато он назвал его уже не адъютантом, а полным академиком.

Полным академиком Императорской Академии наук называли А. Д. Красильникова и авторы сборника «История открытия и исследования Советской Азии», которые об учёных Второй Камчатской экспедиции сказали так: «Некоторые из них стали потом первыми русскими академиками – астроном и геодезист А. Д. Красильников и прославившийся своими географическими исследованиями на Камчатке С. П. Крашенинников» [24, с. 304]. Уточнив при этом, что в историю исследования Сибири и Камчатки весомый вклад внёс А. Д. Красильников, который в Сибири и на Камчатке сделал 10 полных астрономических определений и установил широтные координаты 33 пунктов Сибири и Камчатки. Это, наряду с четырьмя определениями долготы, выполненными де Ла Кройером, явилось крупным вкладом в географическую науку [там же, с. 315].

В 1837 г. за многочисленные работы по Русской Америке и за сбор коллекций для музеев Академии наук членом-корреспондентом Императорской академии наук был избран К. Т. Хлебников, который за 10 лет пребывания на Камчатке (1803–1813) 10 раз объездил весь полуостров на собаках и оленях. По материалам своих наблюдений он написал «Письма о Камчатке» [25, 1979, с. 7].

Таким образом, список учёных, ставших членами-корреспондентами и академиками Российской академии наук в результате исследований Камчатки, следует пополнить ещё тремя фамилиями: Луи Делиль де Ла Кройера, В. Д. Красильникова и К. Т. Хлебникова.

На этом я и завершу эти свои заметки. И вместо заключения отмечу, что, говоря об ошибках, допущенных тем или иным автором, или пропущенных их корректорами и редакторами, я всего лишь обращаю внимание на ошибку и пытаюсь выявить причину её появления. Хотя в некоторых случаях я и выражаю своё удивление и/или недоумение по поводу её появления. Но не более, ибо при написании черновых вариантов своих статей я также нередко допускал такие ляпы, которые и нарочно не придумаешь. Да и в самих моих статьях без ошибок обойтись не удалось. Впрочем, во всём этом утешает то, что ничего не делая, дабы избежать ошибок, мы совершаем ещё большую ошибку.

1. Полевой Б. П. Новое об открытии Камчатки : в 2 ч. Петропавловск-Камчатский : Камч. печ. двор, 1997. Ч. 1. 159 с.
2. Быкасов В. Е. Поход Михаила Стадухина от Анадыря до Тауя. Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2019. 80 с.
3. Сгибнев А. С. Исторический очерк важнейших событий в Камчатке // Вопросы истории Камчатки / сост. С. В. Гаврилов. Петропавловск-Камчатский, 2005. Вып. 1. С. 5–103.
4. Миллер Г. Ф. Известия о северном морском ходе из устья Лены реки ради обретения восточных стран. Приложение к письму Беринга от 27 апреля 1737 г. // Из истории великих русских географических открытий. М., 1950. С. 258–264.
5. Берг Л. С. Очерки по истории русских географических открытий. М.–Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1946. 358 с.
6. Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий. М. : Наука, 1971. 300 с.
7. Белов М. И. Подвиг Семёна Дежнёва. М. : Мысль, 1973. 223 с.
8. Челобитная ленского казака Семёна Ивановича Дежнёва царю Алексею Михайловичу об открытии «новой земли» – реки Анадыря, о постройке острожка, сборе ясака с «иноземцев» и о промысле моржовых клыков // Колумбы земли русской : сб. док. описаний об открытиях и изучении Сибири и Дал. Востока и Севера в XVII–XVIII вв. Хабаровск, 1989. С. 51–52.
9. Полевой Б. П. В защиту Семёна Дежнёва (о статьях Н. В. Ломановича) // Известия Всесоюзного Географического общества. Л., 1985. С. 138–142.
10. Быкасов В. Е. Походы Семёна Дежнёва. Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2020. 107 с.
11. Отписка якутского служилого человека Юрия Селиверстова с Анадыри Якутскому воеводе Ивану Акинфову о переходе через «Камень» на Анадырь, приходе в русское зимовье и обнаружении служилых и промышленных людей во главе с Семёном Ивановичем Дежнёвым и Никитой Семёновым // Колумбы земли русской... С. 36–39.
12. Пирагис А. П. Петропавловск-Камчатский. Улицы города рассказывают. Петропавловск-Камчатский : Новая кн., 2000. 128 с.
13. Челобитная служивых и промышленных людей Фёдора Емельянова Ветошки с товарищами о назначении им денежных и хлебных окладов за службу на реке Анадырь // Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. СПб., 1851. Т. 4. С. 12–16.
14. Отписка Якутскому воеводе Ивану Акинфову служивых людей Семёна Дежнёва и Никиты Семёнова о походе на реку Анадырь, о военных действиях против инородцев и проч. // Там же. С. 16–17.
15. Полевой Б. П. Новое об открытии Камчатки : в 2 ч. Петропавловск-Камчатский : Камч. печ. двор, 1997. Ч. 2. 203 с.
16. Мартыненко В. П. Камчатский берег. Историческая лоция. Петропавловск-Камчатский : Дальневост. кн. изд-во, Камч. отд-ние, 1991. 188 с.
17. Он же. Путешествие в страну Уйкоаль. Петропавловск-Камчатский : Дальневост. кн. изд-во, Камч. отд-ние, 1987. 136 с.
18. Журнал бытности в Камчатской области мичмана Петра Чаплина // Журналы Первой Камчатской экспедиции о путешествии от Санкт-Петербурга до Камчатки и открытии Берингова пролива. 1725–1730 / сост.: Л. И. Спиридонова, Т. С. Федорова. СПб., 2012. С. 22–189.

19. *Мартыненко В. П.* Первый камчатский корабельщик // Петропавловску-Камчатскому – 260 лет : материалы науч.-ист. конф., 17–18 окт. 2000 г. Петропавловск-Камчатский, 2001. С. 52–55.
20. *Карпов Г. А., Кузнецова М. В.* Пять учёных мирового уровня, получивших звание члена Академии наук за работы на Камчатке // «Гордиться славою своих предков» : материалы XXXVI Крашенинников. чтений. Петропавловск-Камчатский, 2020. С. 115–120.
21. *Миллер Г. Ф.* Предисловие // *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки : в 2 т. Репринт. воспроизведение изд. 1755 г. СПб. ; Петропавловск-Камчатский, 1994. Т. 2. 319 с.
22. *Ваксель С.* Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. Петропавловск-Камчатский : Новая кн., 2011. С. 407–572.
23. Петропавловск-Камчатский. История города в документах и воспоминаниях. 1740–1990 / сост. Б. И. [П.] Полевой. Петропавловск-Камчатский : Дальневост. кн. изд-во, Камч. отд-ние, 1994. 504 с.
24. История открытия и исследования Советской Азии. М. : Мысль, 1969. 535 с.
25. *Хлебников К. Т.* Русская Америка в неопубликованных записках / сост., введ., коммент. Р. Г. Ляпуновой, С. Г. Фёдоровой. Л. : Наука, 1979. 280 с.